

Линь Ляоляо с бесстрастным лицом приняла из рук наложницы Чжао тонкую иглу, прокалила её над пламенем свечи и спросила:

— Есть водка?

— Есть! — служанка поспешно принесла с дальней полки небольшой кувшин.

Линь Ляоляо ополоснула иглу водкой, затем присела на корточки и, сосредоточившись, аккуратно проколола пузыри на руках Линь Цзиньчжэнь, медленно выдавливая гной. После ожога срывать кожу с волдырей было нельзя — это грозило инфекцией.

Она проделала то же самое с одной рукой, затем с другой.

Линь Ляоляо неподвижно просидела на корточках полчаса, выполняя одну и ту же процедуру. Когда она наконец разогнулась, чтобы вытереть пот, то обнаружила, что все присутствующие смотрят на неё.

— Старшая барышня поистине смела и внимательна, — похвалил лекарь Лу.

— Пустяки, это всё благодаря вашим наставлениям, лекарь Лу, — Линь Ляоляо отложила иглу и отошла к старой госпоже Линь. — Бабушка, когда пятая сестрица сможет прийти в себя?

Этот вопрос заставил всех снова переключить внимание на Линь Цзиньчжэнь.

— Что же всё-таки произошло?

Нянюшка Тао скривила губы:

— Мастерицы они — лишь пустые слова говорить.

— Она действительно изменилась, особенно сегодня, когда вычищала гной. Если бы не видела своими глазами, ни за что бы не поверила, что это она.

— По-моему, со второй ветвью семьи обошлись несправедливо, — нянюшка Тао подожгла ароматическую палочку и прикрыла крышку курильницы. — Вы сами посудите: в этом доме каждый знает, что наложница Чжао была приданой служанкой Лю Хуэй. Когда её только отдали господину, она была совсем не такой, как сейчас — личико нежное, хоть воду пей. А прошло всего несколько лет, и стала она вот такой — чахлой, от ветра шатается.

— Я предполагаю... да как же я могу предполагать... — нянюшка Тао внезапно запнулась. — Неужели она всё ещё у пятой барышни?

— Именно там, — кивнула старая госпожа Линь. — Ты не заметила, что ребёнок словно подменили?

Старая госпожа Линь хотела помочь, но наложница Чжао упрямо молчала, а на вопросы лишь заливалась слезами, жалуясь на горькую судьбу. Она-то выплакалась, а вот госпожу утомила.

— Всё я, всё я виновата...

Старая госпожа Линь усмехнулась:

— Как думаешь...

Цзыжоу снова прополоскала платок в водке.

— Чему тут не верить? Ребёнок в меня пошёл.

— Характер наложницы Чжао — вот настоящая проблема. Лю Хуэй пукнет, а та уже дрожит. Видели сегодня? Даже когда всё было сказано прямо, она только и делала, что плакала. Неудивительно, что Ци Янь не хочет ей помогать. Будь я на её месте, тоже не стала бы связываться. Жаль лишь пятую барышню.

— Ой, а где же старшая барышня? Почему так долго её не видно?

— Я ещё не договорила, почему вы решили, что я её оправдываю? Я сказала, что с ней обошлись несправедливо, но не говорила, что она святая. У второй ветви тоже есть свои тайные умыслы.

— Барышня, вы о чём?

Линь Ляоляо прикладывала к рукам Линь Цзиньчжэнь прохладный платок, чтобы унять боль, и продолжала обтирать её водкой, пока жар не спал.

Зал Нинъань.

— Ты хочешь сказать, что я ошиблась в ней?

Она пробормотала себе под нос:

— Вот бы сейчас антибиотики...

Едва она закончила фразу, нянюшка Тао словно что-то вспомнила.

В маленький дворик внезапно ввалилась целая толпа из восьми слуг и служанок, заполнив все свободные углы.

Старая госпожа Линь перебирала чётки, ведя в уме свой расчёт: У всех свои планы. Лю Хуэй ревнива, она сама прислала эту женщину, но не доверяет ей, извела до полусмерти, а в итоге вызвала лишь отвращение у господина. А Ци Янь? Она всегда хотела перещеголять Лю Хуэй, но характер наложницы Чжао не стоит того, чтобы вкладываться в неё. Наверное, считает, что помогать такой трусихе — только время терять.

— Я говорю... — Линь Ляоляо покачала головой. — Я говорю, что жар спал, это больше не нужно.

— О-о, понятно.

Во время смены повязок наложница Чжао снова забилась в угол кровати и зарыдала. Линь Ляоляо это раздражало, но отругать её она не могла — в этот момент она не понимала, жалко ей эту женщину или она вызывает лишь гнев.

Когда пришло время уходить, наложница Чжао была так благодарна, что чуть не упала перед Линь Ляоляо на колени.

— Наложница Чжао такая несчастная...

— Она сама этого добилась.

Цзыжоу замерла, решив, что ослышалась.

— Барышня, вы... вы что сказали?

— Я сказала — она сама этого добилась!

Каждое слово было отчеканено. Если после такого кто-то решит, что ослышался, значит, с головой не всё в порядке.

— Бабушка сегодня спрашивала её, что случилось, а она только рыдала! Ни одного вразумительного слова! В комнате услышала, что пришла Лю Хуэй, и тут же собралась бежать ей кланяться. Дочь при смерти, а у неё время на поклоны другим есть! Я дожила до таких лет, но подобного ещё не видела! Если бы не видела сама, никому бы не поверила!

Цзыжоу стояла в оцепенении, не зная, что сказать.

— Я очень страшная сейчас?

— Немного...

Линь Ляоляо ударила кулаком по столу:

— Это от злости!

— Барышня, успокойтесь, — Цзыжоу погладила её по спине и нерешительно добавила: — У наложницы Чжао нет выбора. Она приданая служанка госпожи Лю, живёт только её милостью. К тому же, когда придет время выдавать пятую барышню замуж, всё будет зависеть от решения госпожи Лю. Если та будет добра, найдет ей хорошего мужа, а если нет — выдаст за кого попало в наложницы. Ничего не поделаешь.

— Ты думаешь, что смирение и покорность помогут выжить? Люди, как и овощи, выбирают, что помягче, — Линь Ляоляо нахмурилась. — Ты забыла, почему твоя барышня бросилась в реку? Если бы бабушка не вернулась, разве я бы спаслась? Ты хоть раз видела, чтобы госпожа Лю проявила хоть каплю жалости?

Линь Ляоляо похлопала Цзыжоу по плечу:

— Некоторые люди устроены так: чем больше ты боишься, тем они наглее. Раз уж всё равно не убежать, лучше показать зубы. Запомни, Цзыжоу: у человека может быть тысяча способов умереть, но только один недопустим.

— Какой?

— Умереть от бессилия и обиды!

Павильон Циньсэ.

Лю Хуэй разбила фарфоровую чашку и наказала слуг, но на душе всё ещё было тяжело. Вернувшись днём из дворика наложницы Чжао, она не находила себе места, и даже теперь, когда зажгли светильники, она продолжала браниться.

— Сходи туда...

Линь Цзиньшу пнула ногой Линь Минсюня, который прилип к окну.

— Не пойду! — Линь Минсюнь тут же отпрянул от окна. — Это дела внутреннего двора, женские дела! Не впутывай меня!

Сказав это, он тут же исчез.

— Пф, трусил, вот и ищет оправдания.

Линь Цзиньшу поманила служанку, взяла свежесваренный чай и вошла в комнату. Взглянув на мать, она увидела, что та сидит на кушетке и колотит себя в грудь, а комната вокруг напоминала поле боя.

— Когда дело дошло до наказания меня, старая госпожа была грозна, какими только словами не бросалась! А теперь, когда очередь дошла до этой Ци Янь, всё изменилось?! Ещё и наказание отложила?! Нарочно меня злит!

Линь Цзиньшу отпихнула ногой осколки фарфора, обошла перевернутый столик и протянула матери чай:

— Матушка, выпейте чаю, успокойтесь, не стоит так расстраиваться из-за своего здоровья.

— А ведь когда тратили деньги из моего приданого, они были другими... А теперь расхрабрились!

Лю Хуэй тяжело дышала, а Линь Цзиньшу смотрела на неё с тревогой:

— Матушка, неужели бабушка теперь всегда будет на стороне этой Ци?

— Невозможно. У этой Ци даже сына нет, бабушка, даже если захочет помочь, должна видеть разницу! Это всё из-за того, что она до сих пор помнит...

— Что?

Линь Хуэй изменилась в лице:

— А что ещё? То, что плохо обращались со старшей барышней.

— Хм, да кто она такая! — Линь Цзиньшу скрестила руки на груди. — Я не понимаю, зачем бабушка постоянно защищает этих никчемных людей? Матушка, вы ещё не знаете, вторая тётушка под давлением бабушки набила дворик наложницы Чжао семьёй или восьмью слугами. Теперь они тоже господа.

— У этой Чжао Ци такой жалкий вид, ничего из этого не выйдет. Посмотрим, даже если ей дали людей, она не посмеет ими пользоваться.

— Тоже верно. Эти слуги на вид покорны, а на деле — флюгеры. Не то что наложница Чжао ими не воспользуется, они сами её ни во что ставить не будут.

Линь Цзиньшу, подыгрывая матери, ещё немного поругала наложницу Чжао и Линь Цзиньчжэнь, и Лю Хуэй наконец немного остыла.

— А где твой брат? Я сегодня так разозлилась, что совсем забыла про его занятия.

— Он радуется жизни! Весь день проиграл на улице, а сейчас увидел, что вы злитесь, и спрятался в своей комнате, чтобы не попасть под горячую руку.

Лю Хуэй нахмурилась:

— Что за тон? Это твой брат! У меня нет времени за ним следить, ты как старшая сестра могла бы и проявить заботу. То одно, то другое, я совсем выбилась из сил!

— Разве вы справедливы? Я пришла вас утешить, чай подала, плечи размяла, а вместо благодарности — одни упреки. Ну и что, что я старшая сестра? Разве я могу им управлять? Стоит сказать слово поперёк — он дерется, а если нет — бежит жаловаться вам. Я ведь девушка, как я могу его воспитывать? Если узнают, подумают, что я не заботливая сестра, а мегера!

— Ой-ой, посмотрите на неё! Я слово — она в ответ десять, а ещё говорит, что не дерзкая! — Лю Хуэй погладила дочь по руке. — Матушка не хотела тебя обидеть. Просто брат ещё мал, характер не устоялся. Если ты, сестра, не присмотришь за ним, то кто?

Линь Цзиньшу надулась, показывая своё недовольство.

— Ладно, ладно, не дуйся. Завтра сходи во дворик к этой Чжао Ци, посмотри на Линь Цзиньчжэнь. Думаю, бабушка тоже туда наведается. Ты вторая сестра, должна держать лицо, не давай повода для сплетен.

— Столько слов, а всё ради того, чтобы я выполнила ваше поручение. Матушка, вы так предвзяты. Почему бы вам не отправить Линь Минсюня?

— Опять начинаешь?

— Дочь не смеет! Дочь выполнит ваше повеление, завтра же с утра пойду проведу пятую сестрицу!

Линь Цзиньшу быстро поклонилась и вышла, не оглядываясь, как бы Лю Хуэй её ни звала.

— Вот девчонка! До инфаркта доведет!

— Госпожа, не сердитесь, вторая барышня ещё молода.

К ней подошло новое лицо, склонилось в поклоне и начало разминать ноги Лю Хуэй.

— Ты кто?

— Отвечаю госпоже: нянюшка Хэ — моя тётушка, я её племянница. Рабыню зовут Цюань-нян.

<http://bllate.org/book/18628/1793584>